

Содержание

Раздел 2

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ РЕСУРСЫ РЕГЕНЕРАЦИИ РЕПРЕССИВНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА

1917 год в структуре легитимности российской власти . . .	9
Образ Сталина в общественном мнении России: структура тоталитарного символа	65
Парадоксы социальной структуры в России	148
Российское правосудие в структуре путинского режима: формализм, бездушие и аморализм	214
Институциональное насилие (на примере массового восприятия полиции)	293

Раздел 3

ЕСТЬ ЛИ ЕЩЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ДИАГНОЗА?

Кризис «реальности» и социология	349
Вторичный или возвратный тоталитаризм	406
«Человек советский» в условиях перемен: к истории одного исследования	536
Вместо заключения: Концептуальные возможности русской социологии	662
Именной указатель	704

1917 ГОД В СТРУКТУРЕ ЛЕГИТИМНОСТИ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ¹

Сомнительный юбилей

Столетие русской революции население России встречает с полным равнодушием. Отсутствие интереса к тому, что еще четверть века назад воспринималось как ключевое событие XX века, как символ всей советской эпохи, поражает иностранных ученых и наблюдателей, но не вызывает какого-либо удивления внутри страны. Политика нынешнего руководства России направлена на подавление значимости революции 1917 года и вытеснение ее из массового сознания. Сказать, что этот юбилей замалчивается властями, нельзя, но очевидно, что он вызывает двойственные чувства у высшего руководства, недавно уверовавших коммунистов и «православных чекистов», не знающих толком, что нужно говорить в этом случае «народу»². Проходят семинары, выставки докумен-

---

¹ Впервые опубликовано: Неприкосновенный запас. 2017. № 6 (116). С. 154–172.

² Указом Путина создана правительственная комиссия по празднованию во главе с руководителями государства и директорами академических институтов и университетов, утвержден план юбилейных мероприятий, координируемых Российским историческим обществом под руководством бывшего спикера Госдумы С. Нарышкина, ныне директора Службы внешней разведки РФ (URL: <https://historyrussia.org/images/documents/plan100letrevolution.pdf>), в который включено более 100 различных мероприятий — выставок, круглых столов, изданий и пр. Празднование открывается выставкой иконы «Державная заступница России». (URL: <http://rushistory.org/images/documents/0001201612200017.pdf>). Сам по себе этот план представляет собой чисто бюрократическую разновидку заданий для различных госучреждений (институтов РАН, музеев, библиотек и др.), которые должны представить свои экспозиции и программы конференций к этой дате. Установки кремлевских политтехнологов (как надо понимать и разьяснять населению эти события) заданы идеологической повесткой русского консерватизма, ставшего основой путинского политического курса. По словам патриарха Кирилла, интеллигенция, «совершив страшные преступления против веры, против

тов, появляются телевизионные передачи, посвященные этим событиям, но они носят либо дежурный, формальный и пропагандистский, либо узко групповой характер мероприятий для специалистов-историков. Масштаб юбилейных торжеств несопоставим с массивными пропагандистскими кампаниями вокруг помпезных празднований Дня Победы 9 мая. Кремлевская администрация пребывает в растерянности и явно не знает, как с минимальными издержками обойти этот юбилей, который случился совершенно некстати для идеологической повестки путинского режима. Оставить его без внимания — невозможно, но и дать какое-то убедительное и вместе с тем «правильное», «охранительное» толкование историческим фактам оказалось крайне затруднительно. Решение не о праздновании, а всего лишь об «освещении» приближающегося момента (правительственная программа мероприятий) было принято очень поздно — в декабре 2016 года. Соответственно, столетие Февральской революции (которую только и можно считать «революцией» в собственном смысле слова, то есть разрушением старого порядка и началом строительства новой государственно-политической системы), власти практически замолчали. Но обойтись таким же образом с октябрьским переворотом было бы слишком вызывающим. Необходимость отозваться на круглую дату не связана с внутренней потребностью общества осмыслить события прошлого и их последствия, скорее — это вынужденная реакция администрации на внешние обстоятельства: требования солидарности приличия «культурной страны», имеющей «великую» историю, значимую для мирового сообщества.

Отношение советской власти к «революции» как социально-политической проблеме (включая влияние идей

Бога, против своего народа, против своей страны», несет «основную вину не только за революцию 1917 года», но и «за все то, что произошло в XX веке» (URL: <http://www.interfax.ru/russia/555912>). В ответ на эту насаждаемую повестку появилось некоторое количество выступлений как либеральных публицистов и историков (Л. Млечина и др.), так и крайне правых, если не сказать черносотенцев, на таких телевизионных каналах, как НТВ, «Царьград», «Звезда» и др.

социализма в третьем мире) всегда носило чрезвычайно идеологизированный и подчеркнуто позитивный характер. Но когда речь заходила о процессах реформирования самой советской системы, позиция власти радикально менялась, и здесь отношение ко всем, кто выступал с планами «оптимизации» окостеневшей и склеротизированной системы господства компартии, становилось откровенно враждебным. Тем не менее после смерти Сталина, после доклада Хрущева на XX съезде, уже к концу 1950-х годов романтический образ настоящих революционеров — самоотверженных идеалистов, старых большевиков, хотевших «всего хорошего» для простых людей, стал довольно распространенным в среде интеллигенции¹. Слабые попытки обновления или ревизии марксизма («возвращения к раннему Марксу») определили рамки «этики возможного»: иллюзии «социализма с человеческим лицом», родившиеся из противопоставления «хороший Ленин» — «плохой Сталин». Вся интеллигентская культура поколения шестидесятников была пронизана аллюзиями и внутренним спором с «революцией», определением ее моральной цены и поисками ответов на вопрос: было ли неизбежным перерождение революции в сталинский ГУЛАГ. Большая часть диссидентов и сочувствующих им, хотя и не принимавших открытого участия в правозащитном движении, отвечали утвердительно на этот вопрос, полагая, что коммунизм и насилие неразрывны, что партия большевиков, провозгласившая «диктатуру пролетариата», является источником и моделью общества-государства, не могущего функционировать без террора и массовых репрессий. Но дать ответ на вопрос: «Где выход из этого состояния?», — никто из них не мог. Те же, кто был близок к власти или сам являлся частью советской номенклатуры и бюрократии, считали, что изменения и гуманизация

---

¹ Можно вспомнить теплый фильм «Коммунист», песню Б. Окуджавы о «комиссарах в пыльных шлемах», множество фильмов эпохи застоя, от «В огне брода нет» до авантюрно-приключенческих лент о революции, вроде «Неуловимых мстителей» и т. п.

коммунистического режима возможны только «изнутри» самой системы, что единственный путь — это постепенная его трансформация в более человеческое государство или даже постепенная конвергенция с капиталистической демократией. За рамки этой повестки поколение, которое, в конце концов, и инициировало «перестройку», так и не вышло. Перестройка вывела эти разногласия наружу, но не дала понимания природы и причин возникновения тоталитарной системы.

При Горбачеве традиционно-советское понимание «гуманного и морального» во всех смыслах характера революции и советской власти подверглось значительной ревизии в ходе публичных дискуссий, еще влиявших на общественное мнение, как об этом свидетельствуют данные октябрьского опроса 1990 года. Так, 73% опрошенных в последний год советской власти заявляли, что их взгляды на революцию за последнее время изменились, в сравнении с поздним брежневским временем, что они иначе оценивают тогдашние события и действия большевиков. 57% опрошенных одобряли в целом необходимость вооруженного захвата власти большевиками (23% — считали, что не было такой необходимости). Но как бы в противоречии с мнением большинства, высказанном до этого, значительная часть из них — 30% полагали неоправданным разгон большевиками Учредительного собрания (одобряли эти действия Ленина всего 29%, а 41% затруднились ответить на этот вопрос). 53% опрошенных россиян осуждали ликвидацию свободной прессы, 73% — расстрел царской семьи, 51% — национализацию частной собственности, 62% — подавление крестьянских восстаний и т. п. Ликвидация «буржуазии» как класса (уход промышленников, предпринимателей из хозяйственной жизни страны) стала очень «значительной потерей» для страны, так полагали 66% респондентов. А это значит, что в общественном мнении страны в тот момент возобладали взгляды, противоречащие всей советской традиции героизации революции и пролетарской идеологии.

Но то было короткое время перестройки и попыток пересмотра советского прошлого, стараний определить цену социалистического эксперимента, революции, тоталитарной диктатуры. Осуждая отдельные аспекты установления диктатуры большевиков, россияне в целом все же и тогда не решались на принципиально иную оценку событий 1917 года как радикального переворота и истока национальной катастрофы (последовавшей «антропологической катастрофы», по выражению И. Бродского). Иллюзии шестидесятников, что можно построить «гуманный социализм», избежав крайностей террора и издержек тотального государства, не допускали принятия другой концепции революции (и понимания природы советского государства), что негативно сказалось на последующем развитии страны. Уже через поколение россияне вернулись к прежним представлениям: опрос 2017 года, аналогичный рассмотренному выше, дал заметное сглаживание и сближение оценок, ослабление остроты разногласий, зафиксированных во времена перестройки.

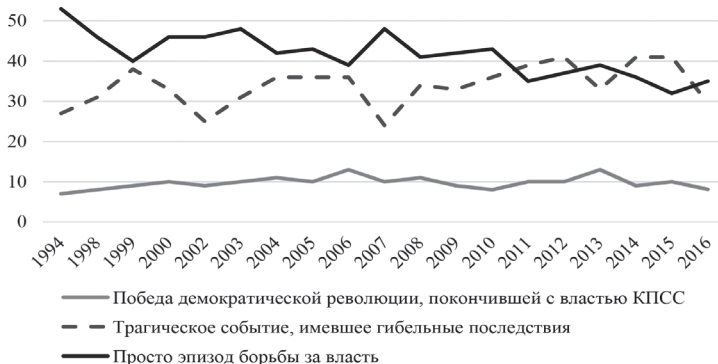
Новое руководство России, пришедшее к власти сразу после краха СССР, всеми силами старалось дистанцироваться от советской системы и уничтожить ту идеологическую базу, на которой основывалась легитимность тоталитарного государства, и прежде всего — саму идею революции. Реформаторы попытались связать постсоветскую Россию с дореволюционным развитием страны, как бы вычеркнув советский период из истории. Они старались показать возможность преемственности досоветской и постсоветской России, подчеркивая значимость эволюционного пути, продолжения мирной, как это имело место в конце XIX — начале XX века, а не форсированной (насильственной, тоталитарной, сталинской) модернизации, превращения России в «нормальную» европейскую страну, такую же, как и другие государства Центральной и Восточной Европы, уже совершившие такой поворот. Но как образец политического движения в первой половине 1990-х годов была опять принята модель «модернизации сверху»,

решительных институциональных реформ, проводимых властями принудительным образом, несмотря на явное сопротивление консервативно настроенных остатков партийно-советской номенклатуры, региональной бюрократии и инерционности основной массы населения¹. Ставка на проведение экономических реформ (без глубокого изменения базовых социальных институтов: политической полиции, суда, правоохранительных органов, массового образования и т. п.) натолкнулось на устойчивость воспроизводимых ими массовых представлений и государственный патернализм ожиданий населения.

Свидетельством дискредитации самой идеи революции в постсоветский период можно считать радикальное изменение отношения российского общества к событиям августа 1991 года — краху путча ГКЧП, за которым последовали ликвидация союзных властных институтов, а затем и полное уничтожение СССР. Победа над сторонниками коммунистического реванша недолгое время воспринималась как последняя, но уже демократическая, антисоветская революция. Она мыслилась как аналог «бархатных» революций в социалистических странах Восточной Европы (или продолжение процессов декоммунизации), завершивших долгий период тоталитаризма и утопических трансформаций общества и человека. Но спустя два-три года (после конфронтации правительства Ельцина с просоветским Верховным Советом РСФСР и расстрела Белого дома в 1993 году) романтический ореол 1991 года погас. Всего 10% опрошенных упрямо продолжали называть победу сторонников Ельцина над путчистами «демо-

---

¹ Не случайно, эмблемой партии Гайдара был выбран Медный всадник — конная статуя Петра I — царя-европейца, силой насаждавшего западные формы управления и образа жизни. Попытки поднять символическое значение Февральской революции, открывавшей путь к развитию в духе западноевропейской демократизации, не удалось: «Едва ли сами реформаторы сознавали важность февральских событий. Они апеллировали не к этому времени, а к эпохе Александра II — царя-освободителя, отменившего крепостное право в 1861 году» (*Кара-Мурза А. А. Деятели Февраля скорее пытались погасить революцию, нежели разжечь ее // Эксперт. 2017. № 10. С. 46*).

N = 1600. Без затруднившихся с ответом.

Рис. 13.2. Как вы сейчас оцениваете события августа 1991 года?

кратической революцией», несмотря на всю путинскую демагогию, обличение «лихих девяностых» и характеристику распада СССР как «величайшей геополитической катастрофы XX века». Через 25 лет, в 2016 году половина опрошенных уже не помнила и могла ответить на вопрос, чем был август 1991 года. За время путинского правления эти события утратили свой смысл, превратившись в малозначимый «эпизод борьбы за власть»¹. 90% молодых людей вообще ничего не знают о таком, казалось бы, поворотном событии в новейшей истории России. И этот факт производит, может быть, самое сильное впечатление.

Три революции: избирательность ритуалов государственной идентичности

100-летняя годовщина Февральской революции 1917 года (крах самодержавия) прошла почти незамеченной. Кремлевское начальство слишком поздно сочло нужным отреагировать на эту дату. Агитационная машина очень медленно начала заводиться, вбрасывая в публичное про-

¹ Общественное мнение — 2016. М.: Левада-Центр, 2016. С. 253.

странство разные версии давно прошедшего: от заговора масонов против царя или предательства элит до клерикальных стенаний о святом царе-мученике и страстотерпце. Крах империи связывался с греховностью образованного общества, атеизмом беспочвенной интеллигенции, влиянием Запада, общим нравственным разложением и «порчей нравов». Редкие голоса либеральных историков и политических философов рассматривали отречение царя либо как «зарю российской демократии», либо как начало цепной реакции, приведшей к социальному «хаосу» и трагедии народа¹. Как и их оппоненты из лагеря русских консерваторов, либералы были склонны к идеализации и апологии тех, кому они сочувствовали (кадетам, октябристам), преувеличивая их достоинства и демонизируя противника (монархистов, эсеров, большевиков). Более умеренные историки и публицисты говорили об обреченности российского государства, неспособного вовремя начать реформы и адаптироваться к изменениям в мире, бездарности и политическом дилетантизме слабого царя, не понимающего логики распада империи, неизбежной эрозии патриотизма из-за проигрываемой империалистической войны, об усталости общества, последствиях нерешаемых социальных проблем и т. п. Но и у тех, и у других за рамками объяснения оставались главные вопросы: почему при всех достоинствах тех, кто пришел тогда к власти, при массовой эйфории, опьянении от провозглашенной свободы, перехода к республиканскому правлению, победители в Февральской революции оказались несостоятельными политиками, так легко отдавшими власть большевикам². Общих дискуссий в целом не получилось.

---

¹ Булдаков В. П. От утопии к катастрофе: как Россия прельстилась революцией. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/09/03/2017/58bec41e9a7947094e610fb9>. На «тезисе, что это “либералы развалили Россию” <...> сошлись и охранители, пытающиеся сбросить с себя вину за русскую катастрофу, и большевики» (Кара-Мурза А. А. Указ. соч. С. 47).

² «Февральская революция 1917 года была общедемократической по своему содержанию и ее поддержало абсолютное большинство народа» (Кара-Мурза А. А. Указ. соч. С. 47).